

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ**

**БУДДИЙСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ САНГХА РОССИИ
ДАЦАН ГУНЗЭЧОЙНЭЙ**

УЧЕНИЕ БУДДЫ В РОССИИ

250 лет институту Пандито Хамбо-лам

**Издательство «Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2015**

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Санкт-Петербургского дацана Гунзэчойнэй*

Печатается по решению Ученого совета ИВР РАН

Редакционная коллегия:

доктор ист. наук проф. *И. Ф. Попова* (председатель);
Б. Б. Бадмаев; доктор ист. наук проф. *В. Л. Успенский*;
кандидат филол. наук *А. В. Зорин* (ответственный редактор);
А. А. Сизова (секретарь)

Рецензенты:

доктор филол. наук *И. В. Кульганек*; кандидат ист. наук *Н. В. Цыремпилов*

Учение Будды в России: 250 лет институту Пандито Хамбо-лам. — СПб.:
Петербургское Востоковедение, 2015. — 186 с. + вклейка.

Сборник подготовлен на основе материалов научно-практической конференции «К 250-летию Института Пандито Хамбо-лам в России», состоявшейся в ИВР РАН и Дацане Гунзэчойнэй 15—18 сентября 2014 г. и собравшей вместе представителей научных, религиозных и культурных учреждений России, Монголии и Польши. Подготовленная на ее основе книга может быть полезной для востоковедов, религиоведов и всех интересующихся историей буддизма в России.

Editorial Board:

Prof. Dr. *I. F. Popova* (chief editor); *B. B. Badmaev*; Prof. Dr. *V. L. Uspensky*;
Dr. *A. V. Zorin* (executive editor); *A. A. Sizova* (secretary)

Peer-reviewed by:

Dr. *I. V. Kulganek*; Dr. *N. V. Tsyrempilov*

The Buddhist Traditions of Russia: Commemorating the 250th Anniversary
of the Lineage of the Pandita Khambo Lamas. — St. Petersburg: St. Pe-
tersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2015. — 186 p.

The book is based on the proceedings of the conference entitled, *On the Occasion of the 250th Anniversary of the Creation of the Institution of the Pandito Khambo Lamas in Russia*, held at the Institute of Oriental Manuscripts, RAS, and Datsan Kunzechoinei, on September 15—18, 2014. The conference brought together representatives of various academic, religious and cultural institutions of Russia, Mongolia and Poland. The collected papers of this conference will be of use and interest for scholars in Oriental and religious studies, as well as for all those interested in the history of Buddhism in Russia.

ISBN 978-5-85803-488-9

9 785858 034889

© Коллектив авторов, 2015

© Институт восточных рукописей РАН, 2015

© Петербургское Востоковедение, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	6
Вместо предисловия (<i>В. Л. Успенский</i>).	8
От Забайкалья до столицы: из истории Санкт-Петербургского дацана (<i>Б. Б. Бадмаев</i>)	11
<i>Цонгоол Б. Нацагдорж</i> . Буддийский фактор в общемонгольской идентичности российских бурят в XVIII в.	15
<i>В. А. Беляева-Сачук</i> . Буддийское влияние на современный культ гор у тункинских бурят.	37
<i>Б. Б. Бадмаев (Ширетэ Лама Джампа Донъед), М. Р. Измайлов</i> . Тибетская медицинская практика эмчи-лам	48
<i>Ю. И. Елихина, Л. И. Крякина, А. М. Щеглов (Цультим Лама)</i> . Атрибуция и проблемы реставрации некоторых буддийских изображений из собрания Санкт-Петербургского дацана	57
<i>Ю. И. Елихина</i> . Культ Ваджрапани в искусстве буддизма	67
<i>Ю. В. Болтач</i> . Деятельность монаха Шунь-дао и официальное признание буддизма в государстве Когурё (по данным корейских источников эпохи Корё)	81
<i>А. В. Зорин</i> . О тибетских текстах с берегов Иртыша, поступивших в Санкт-Петербург в первой трети XVIII в.	102
<i>Т. В. Ермакова</i> . Подход Санкт-Петербургской буддологической школы к изучению буддийских монастырей Тибета (1890-е—1910-е гг.)	119
<i>С. С. Сабрукова</i> . Послание Далай-ламы XIII к тибетскому народу. Документ из фонда Д. А. Клеменца (по материалам Архива востоковедов ИВР РАН)	134
<i>Д. В. Иванов</i> . Фотографии русских купцов с Алтая, торговавших в Монголии в конце XIX—начале XX в.	140
<i>М. Ф. Альбедиль</i> . О необуддизме Б. Д. Дандарона	145
<i>Б. М. Нармаев, Е. Ю. Харькова</i> . Лама Данзан-Хайбзун Самаев в воспоминаниях друзей, коллег, родных	155
<i>О. С. Хижняк</i> . Архивные документы и фотоматериалы на выставке, посвященной 250-летию Института Пандито Хамбо-лам	172
<i>А. И. Андреев</i> . Рецензия на книгу: <i>А. А. Терентьев</i> . Буддизм в России — царской и советской. Старые фотографии. СПб.: Нартанг, 2014. 484 с., ил.	183

Цонгоол Б. Нацагдорж

БУДДИЙСКИЙ ФАКТОР В ОБЩЕМОНГОЛЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ БУРЯТ В XVIII в.

В статье рассматривается вопрос общемонгольской идентичности российских бурят в связи с буддизмом. На основе анализа новых архивных данных показано, как представители разных слоев бурятского общества видели в буддизме мощный фактор их общемонгольской идентичности.

Ключевые слова: буддизм в Бурятии, национальная идентичность, монголы.

Введение

Буряты, большинство которых проживает в Российской Федерации, до 1727 г. находились в едином культурном и политическом пространстве большого монгольского мира, являясь его частью. Но с окончательным вхождением в состав России они оказались в государстве совсем иной культурной традиции. Известно, что созданная маньчжурами Цинская империя прежде всего опиралась на силу маньчжуров и монголов, следуя традициям всех известных в истории кочевых империй, создававшихся на территории Китая кочевниками. Привилегированное положение монголов в Цинской империи, по сравнению с большинством других народов, было очевидным. При таком положении дел возникает вопрос, как буряты понимали свое положение в инокультурной империи и как они смотрели на других монголов, которые уже к концу XVIII в. (после завоевании Джунгарии и перекочевки калмыков) почти в полном составе оказались в Цинской империи? Продолжали ли они ощущать себя частью монгольского мира? Несмотря на то что вопрос этот изучался специалистами давно, он все еще остается актуальным. Предыдущие исследователи прежде всего

© *Цонгоол Батцэнгэлийн Нацагдорж* — научный сотрудник Института истории Академии наук Монголии, 2015

привлекали материалы из российских архивов, и в силу ряда причин монгольские архивные материалы им были недоступны. Мы же, располагая некоторыми новыми материалами из Национального архива Монголии, попытаемся в настоящей статье дать более полный ответ на поставленный вопрос.

1.1. Переговоры главного ламы Дамба-Даржи Заяева с цинскими властями (1759—1765)

После установления цинско-русской границы цинские власти оставили пограничные дела с Россией в руках халхаского Тушетухана. Но вскоре из-за начала новой цинско-дзунгарской войны император Юнчжэн учредил для трех халхаских князей должности вице-генералов (маньчж. *aisilara jiyanggiyūn*; монг. *tusalayči jangjun*), в обязанности которых входило командование халхаскими войсками. Один из них — императорский зять (маньчж. *doroi efu*) Данзандоржи (монг. *danjindorji*), сын Шидишири-баатур-хунтайджи, который руководил халхаскими войсками в русско-монгольской войне в 1688 г., — стал ведать пограничными делами и отношениями с Россией вместо Тушетухана.

Его резиденция находилась у подножия Хан-уула, т. е. в нынешнем Улан-Баторе, и эта должность являлась, по сути, предшественницей администрации ургинского амбана.

Сына Данзандоржи — Доржисэбдэна (монг. *dorjisebden*) — женили на четвертой дочери И-цинъвана Иньсяня (кит. 怡亲王胤祥), младшего брата императора Юнчжэна, и от этого брака родился единственный сын — Санджайдоржи (монг. *sangjaidorji*), который с раннего детства воспитывался в императорском дворце в Пекине. Более того, за Санджайдоржи выдали императорскую дочь, т. е. он, так же как его отец, стал императорским зятем. В 1753 г., достигнув возраста 18 лет, он вернулся на родину и стал управлять хошуном своего деда. Во время антицинского восстания Чингунджава¹ он продемонстрировал верность династии Цин и не присоединился к мятежникам. До того, в 1756 г., нерадивого тушетухана Ямпилдоржи отстранили от должности вице-генерала и на эту должность назначили Санджайдоржи. Во время восстания Чингунджава некоторые халхаские князья во главе с Джебдзундамба-хутухтой II вели переговоры с российскими пограничными властями о принятии монголами подданства у русского царя. Заговорщики всерьез опасались Санджайдоржи как человека,

¹ Халха-монгольский генерал Чингунджав в 1756 г. поднял антицинское восстание и намеревался выйти из состава Цинской империи. Подробнее см.: [Bawden, 1967: 1—31].

верного цинской династии, и только в его отсутствие собирались тайно обсуждать вопрос принятия российского подданства². Но у этого верного вассала были свои соперники из числа монгольских князей, которые следили за каждым его шагом. В начале 1765 г. улясутайский цзянцзюнь Цэнгунджав подготовил доклад на имя императора, в котором сообщал, что, несмотря на официальную остановку торговли в Кяхте, Санджайдоржи продолжает торговать с русскими. Кяхтинская торговля была остановлена в 1764 г. из-за осложнения отношений между двумя империями³. В результате проверки специальной комиссией факты подтвердились: было выявлено 14 случаев сделок с русскими после официальной остановки торговли. Император Цяньлун снял Санджайдоржи с должности, лишил его титула вана и приказал посадить его под домашний арест в Пекине. Его товарищи по тайной торговле были наказаны еще строже. В ходе этой проверки всплыло наружу одно дело, связанное с российскими бурятами. Перед отправкой в Пекин в июле 1765 г. Санджайдоржи сообщил специально командированному в Ургу чиновнику Лифаньюаня харачинскому бэйсэ Хутуринге (маньчж. *hūturingga*)⁴ о том, что он ведет переговоры с бурятским ламой цоржи ширегуем Дамба-Даржой о принятии около 2000 бурят в цинское подданство. Вот о чем сообщал Санджайдоржи:

В 24-м году Цяньлуна в 6-м месяце [1759] я, Санджайдоржи, отправился на встречу с российским бригадиром⁵ для обсуждения незакон-

² Российский разведчик толмач Шарин в своем рапорте пишет: «11. С Мунгальским Гуном-Лемпыл-Доржием виделся только один раз в юрте у Жанжуна (Санджайдоржи. — *Ц. Н.*) и никаких разговоров с ним не имел. К тому же, как я в Ургу приехал, то от него, Гуна, прислан был Стольник Шарга (который прежде заграничные известия объявлял) со объявлением таким, чтоб я, когда буду у Жанжуна, не говорил бы таких речей, как прежде с ним говорил. 12. Оный Шарга мне сказывал, что ныне вскоре (а когда именно, того не объявил) будет у них в Кутухтиной Урге немногим знатным Начальникам сбор и с Кутухтою совет тайным образом так, чтоб выше реченный Жанжун не знал, а о чем совет, того яко б он, Шарга, не знает» [Сычевский, 1875: 157]. Как известно, вскоре после этого скоропостижно скончался Джебзун-Дамбахухта II, и Халха так и осталась в составе Цинского Китая.

³ Причину остановки торговли цинская власть объясняла тем, что, вопреки Кяхтинскому трактату, русские взимают со своих купцов пошлину, что тяжело сказалось на китайских купцах. Вдобавок к этому были и другие разногласия, в частности из-за невыдачи цинских беглецов (Шеаренга и др.) и самовольного воздвижения пограничных надолбов.

⁴ Дзасак харачинского хошуна, бэйсэ, императорский зять. Одновременно являлся чиновником в Лифаньюане.

⁵ Варфоломей Валентинович Якоби (1693—1769) — селенгинский бригадир в 1740—1768 гг. Управлял пограничными делами. Вел переговоры с монгольскими князьями в 1756 г. по вопросу принятия их в рос-

ченных вопросов пограничного дела ⁶, взяв с собой хамбо-ламу Шагдур-ра ⁷. Во время моего нахождения в Кяхте туда приехал российский бурятский лама габжу цоржи Дамба-Даржа, сын зайсана цонгольского отока, и встретился с хамбо Шагдуром. [После того] Шагдур рассказал мне: «Мы с российским бурятским ламой Дамба-Даржей раньше учились в одной школе в Западном Цзане ⁸ и были друзьями. Услышав, что я приехал в Кяхту, он прибыл послушать учение Дхармы. Во время обыденного разговора я спросил его: „Зачем Вы живете в этой стране, где нет религии и учения? Будет лучше, если Вы придете к нам, уповая на благоденствие великого владыки. Это было бы Вам полезно“. На это он ответил: „У меня есть, [конечно], мысль перейти в землю великой религии и правил. Только ныне оба государства состоят в мире. Поэтому я боюсь, что если я перейду, то меня выдадут обратно по силе закона. Если же позже предоставится какой-нибудь случай, тогда можно будет перейти“». Шагдур сообщил мне об этом разговоре. В прошлом году приехал лама Чойдак ⁹ нашего халхаского караула и доложил о том, что этой осенью нирба Содба ¹⁰, младший брат бурятского цоржи Дамба-Даржи, приехав, сказал ему передать хамбо-ламе слова своего брата: «Хотел лично встретиться и поговорить, но не смог. Нынче вы остановили торговлю. Раньше я говорил Вам, что я хотел обратиться в

сийское подданство. Встречался с циньваном Санджайдоржи два раза (в 1759 и 1762 гг.) по вопросам урегулирования пограничных дел [Yanagisawa, 2005: 68].

⁶ Монг. *tegüsken-ü kereg*. Раз в год с двух сторон представители пограничных управлений собирались в Кяхте и Цурухайтуе обсуждать пограничные дела и решать накопившиеся проблемы.

⁷ Ургинский хамбо-лама. Являлся близким родственником вана Санджайдоржи и старшим братом ургинского хамбо номун-хана Джамбалдоржи. Учился основательно в Тибете, получил от Далай-ламы VII звание пандиты и был возведен в ранг хамбо-ламы монастыря Майтрея. Вернувшись на родину, был поставлен вторым ламой после Джебдзундамба-хутухты. Но из-за конфликта с Джебдзундамба-хутухтой он был отправлен в монастырь Амарбаясгалант и только после смерти хутухты вернулся в Ургу, причем не без помощи своего родственника вана Санджайдоржи. В 1761 г. он ездил в Тибет, а по возвращении отправился в Пекин осведомиться о здоровье императора от имени халхаского духовенства [НЦАМ, М-85, Д-2, хн-30, л. 2—3; НЦАМ, М-1, Д-1, хн-231, л. 349, 621].

⁸ В цинских документах Центральный Тибет именуется Западным Цзаном.

⁹ В делах по угону скота, относящихся к середине XVIII в., этот лама упоминается неоднократно в качестве представителя монгольского Кударинского караула [НЦАМ, М-1, Д-1, хн-26, л. 14].

¹⁰ Из родословной абагад-цонголов мы видим, что Содба (монг. *noyon čorji sodba*) являлся старшим сыном Засы Заяева (монг. *jasa*), старшего брата Дамба-Даржа Заяева [abaγ-a ... ЛАА]. После того как Заяев был утверждён в титуле Пандито Хамбо-ламы в 1764 г., следующим же указом Агван Содба был утверждён в прежнем титуле Дамба-Даржи — нойон цоржи. До этого, надо полагать, он имел титул нирба. Умер в 1770 г. [Записка... ЛАА].

сторону религии и учения. У нас, двоих братьев, мысль одна. Пусть же хамбо-лама отправит одного человека для встречи». Услышав об этом, я, Санджайдоржи, приказал подробно разведать о том, когда отправлял Далая торговать. Но он не смог получить информацию. В этом году во 2-м месяце, когда я вновь отправил Далая по делам торговли, приказал ему разыскать российского бурятского ламу нирбу Содбу. Вернувшись назад, он доложил слова Содбы: «Передай эти слова хамбо-ламе, когда вернешься назад: „Я полон мыслей о встрече с хамбо-ламой. Однако здесь много людей, и нет возможности обсудить [этот вопрос]. Пусть же [хамбо] отправит хорошего человека, подобного себе, в Кударинский караул на восточной стороне“. Я, Санджайдоржи, обсудив это вместе с хамбо Шагдуром, отправил своего телохранителя Уржана. Ныне же вернулся Уржан с Кударинского караула вместе с российским бурятским ламой нирбой Содбой, и он находится дома у Шагдура. Теперь я обвинен в незаконном поступке и отправляюсь в столицу. Да завершите же вы, бэйсэ и министры, это дело»¹¹.

Хутуринга немедленно вызвал Содбу и допросил его. Содба рассказал, что он приходится племянником российскому бурятскому ламе

¹¹ *Маньчжэ*: abkai wehiyehe i / orin duici aniya ninggun biyade sangjaidorji bi / tegusken i baitai jalin oros i birgadir be / acame genere de, kambu lama šagdur be gafi genehe / bihe. kiyagtu de tehe fonde, oros i buriyat i / cungkul otok jaisang ni jui lama k'abcu corji / dambadarja beye jifi, kambu šagdur de acaha. šagdur i / minde alahangge, oros i buriyat lama dambadarja neneme / wargi zang de, be emu tacikū de guculeme / yabuha bihe. mini kiyagtu de jihe be donjifi, / nomun donjime jihe. bi ini baru sula gisun / gisurere ildun de, si ere šajin nomun akū / bade tefi ainambi. / amba ejen i kesi be hukšeme šajin nomun i bade jici / sain, suwende tusangga kai sehede, ini gisun, / amba šajin doro i bade niki sere gūnin ambula bi. / damu te ishunde hūwaliyasun ucui, bi geneci / kooli songkoi jafafi amasi bure de gelembi. amala / aika emu nashūn bici, bi teni geneci ombi / seme bai uttu gisurecehe seme sangjaidorji * minde / alaha bihe. tuleke aniya musei kalkai karun i / lama coidak jifi alaha bade, ere bolori / buriyat i corji dambadarja i deo nirba sotba i / alahangge, si kambu lama de jasi, mini ahūn i / gisun, beye acaki gisureceki secibe, acame muterakū, / te suwe hūda be nakaha, neneme sinde bi šajin nomun i / baru fororo be jondoho bihe. meni ahūn deo juwenufi / gūnin emu adali bihebi. kambu emu niyalma takūrafi, / mende acanjireo seme jasiha be, sangjaidorji bi donjifi / hūdašara ildun de dalai de narhūšame afabufi, / mejigešebuci, gemu yargiyan mejige be bahakū. ere aniya / juwe biyade, geli hūdašara ildun de dalai be / oros i buriyat lama nirba sotba be baihanabume / takūraha. amasi jifi, alahangge, sotba i gisun, / si amasi genefi kambu lama de ala. bi lama de / acaki sere gūnin jalu bi. damu ubade niyalma geren gisureci ojurakū. dergi ergi kuderu / karun i teisu bade beye adali sain niyalma be / unggireo sehede, sangjaidorji bi, kambu šagdur i emgi / gisurefi mini hiya urjan be takūraha. te urjan / kuderu karun ci oros i buriyat i lama / nirba sotba be gajifi kambu šagdur i boode bi. / bi te weile baha. gemun hecen de genembi. erebe / beise ambasa fonjifi icihiyarao [ИЦАМ, М-1, Д-1, хн-2843, л. 46].

* Здесь и далее показаны фрагменты, зачеркнутые в тексте.

цоржи ширетую Дамба-Дарже, сыну зайсана цонгольского отока, и его дядя теперь, видя ухудшение российско-цинских отношений, послал его узнать в точности о действиях цинских властей в случае, если его цонгольский оток изъявит желание принять цинское подданство. Дамба-Даржа указал на причину такого решения.

Содба: [Вот] слова моего брата: «Раньше я говорил, что хочу перейти в землю учения Дхармы, уповаю на великого владыку. **Прежде мы определяли [детей] из нашего отока в ламы по своему желанию. С нынешних годов русские запретили нам определять в ламы по нашему желанию. Потом, когда прежние ламы состарятся, поддерживаемая нами религия исчезнет». Мой брат цоржи-лама и племянник нашего ламы — тайша Буни¹², глава нашего отока, — взял с собой до двух тысяч людей, готовы перейти в [Ваше] подданство. Отправьте же войска для охраны и встретьте нас. Если же, поймав нас, выдадите обратно, мы ни за что не вернемся [назад]. Поэтому меня послали заполучить подлинные известия и приказали вернуться в течение пятнадцати дней. После того как я вернусь с подлинными вестями, отправят двух людей с подробными вестями, когда именно мы отправимся принимать подданство. Других сведений не имею¹³.**

¹² Тайша Буни Цаганов, внук Окин-тайши. Служил на границе в Киранском карауле. После кончины тайши Зодбо Унагачеева, сына Унагачи Окинова, в 1757 г. стал цонгольским тайшей и управлял цонгольским отоком до своей кончины в 1772 г. [Список... ЛАА]. В показаниях Содбы всплывает интересный факт: он называет Буни *ina* (маньчжурский термин, обозначающий племянника по женской линии, соответствующий монгольскому *jige*) своего брата. Оказывается, главный лама прибайкальских буддистов Д.-Д. Заяев был связан родственными узами с цонгольским тайшей. В связи с этим интересно будет сравнить предание о сыновьях Заяя Сахулакова, отца Дамба-Даржи, зафиксированное автором в 2004 г. в с. Кудара-Сомон Кяхтинского района Республики Бурятия у местного жителя Николая Раднаевича Цыбикова (1941 г. р.) из рода абагад-цонгол: «В этой местности [подножие Оцонхана] впервые поселился Заяя, отец хамбо-ламы Дамба-Даржи. Он [Заяя] имел 10 детей: 9 сыновей и одну дочь. Двое младших сыновей умерли в детстве. А дочь была замужем за монголом, который жил в Гоби. Однажды дочь, приехав навестить родителей, так и осталась тут, облюбовав это красивое место с горами, лесами и реками. Она не вернулась к мужу обратно. Выдали ее замуж повторно в Северный Харлун. Там должны быть ее потомки» [ПМА. ЛАА]. Видимо, упомянутая в предании дочь Заяя Сахулакова и сестра Дамба-Даржи и была матерью Буни Цаганова, цонгольского тайши в 1757—1772 гг. Известно, что потомки Буни и поныне проживают в селе Харлун Бичурского района Республики Бурятия (род бунитан), как указано в предании.

¹³ Маньчж.: *mini ahūn i gisun, / amba ejen de nikeme, fuchi šajin i bade geneki seme / kemuni neneme gisurehe tere gisun, be neneme meni / otok i dorgici cihai lama obumbihe. uheri lama / ilan tanggū isime bi. ere utu aniya ci oros sa*

Справившись дополнительно о положении русских, Хутуринга, однако, сделал вывод, что Санджайдоржи таким образом пытается избежать сурового наказания за тайную торговлю с русскими и теперь, когда дело приняло серьезный характер, старается выдать свои прощупки за государственное дело по приобретению новых подданных из числа российских. Содбу он отправил обратно с уверениями, что если они действительно придут принять цинское подданство, то император непременно, оказывая свою милость, примет их в подданство. Одновременно он отправил доклад с описанием ситуации на имя императора, прося того дать руководство относительно дальнейших действий. В письме от 19-го числа 8-го месяца 30-го года Цяньлуна (сентябрь 1765 г.) император приказал:

...Если Дамба-Даржа и его единомышленники не отправят человека, оставьте это дело. Если же он отправит человека и еще раз напомнит об этом деле, то Хутуринге следует сказать посланному человеку следующие слова и отправить обратно: «Наш великий августейший владыка является всеобщим властелином мира. Посему, если из числа инородцев кто-то решит принять подданство нашему владыке, наше великое государство не станет отказывать. Не только несколько ваших семей, но и те, кто придет в будущем, будут приняты в подданство. Если ваш Лама действительно желает принять наше подданство, мы непременно, докладывая великому владыке, примем вас, оказывая вам благодеяние. Если же вы боитесь того, что вас выдадут обратно, то помните, как русские укрыли у себя наших беглецов во главе с Шеаренгом и Луузанжавом. И может ли наше великое государство выдать вас обратно? ...Хотите принять подданство, так приходите прямо. Если не хотите, то мы не заставляем. Если же хотите, чтобы вас встретило войско, высланное нами, то знайте, что наше великое государство ни в коем случае не будет обманывать человека за столь ничтожное дело»¹⁴.

meni cihai / lama obure be fafulaha. amagan meni ilibuha / šajin, nenehe lamasa buceme wajiha sagdaka manggi, / šajin akū ombi seme korsofi, mini eshen ahūn corji / lama, jai meni otok be dalaha meni lama i ina / taišo buni, juwe minggan isire urse baime / dosiki membe cooha okdobume alime gaijarao. / aika membe jafafi amasi buci, be ainaha seme / geneci ojarahū, yargiyan mejige bahafi tofohon / inenggi dolo amasi jio. si jihe manggi, / yargiyan mejige bahafi atanggi baime dosire narhūn / ton be juwe niyalma takūrafi jenduken i narhūšame / unggiki seme minde afabuha. encu gisun / akū sembi [ИЦАМ, М-1, Д-1, хн-2843, л. 46].

¹⁴ *Маньчж.*: ...egūn-eče uruysi dambadarjiya nar kūmūn jaruqu ūgei bolbasu barubai. kerbe kūmūn jaruju enekū kereg-i duridubasu, quturingū-a darui jaruysan kūmūn-dū man-u yeke boyda ejen delekei dakin-i yerūngkeyilegsen ejen tula aliba yadayadu ayimay-un arad yeke boyda ejen-ū ōrūsiyel soyul-i kūsen dayasuyai kemeḡčid bui abasu man-u yeke ulus quriyaqu ūgei kemekū ʔajar ūgei. tan-u ene kedūn erūke ama bayiturai, egūn-eče daray-a daray-a-bar dayar-a irešūgei kemebesū mōn erke ūgei quriyamui. tan-u lam-a kerbe čin(sic!) ūnen sanay-a-bar dayaju

Несмотря на тщательные поиски, мы так и не обнаружили упоминаний о дальнейшей судьбе этого дела. Судя по всему, Дамба-Даржа более не вышел на связь с ургинскими правителями.

1.2. Первый Пандито Хамбо-лама Бурятии Дамба-Даржа Заяев

Представленные документы раскрывают нам первого Пандито Хамбо-ламу Дамба-Даржу Заяева с совершенно другой стороны — отличающимся от того канонического образа, который мы обычно видим в его официальных биографиях. Как известно, он был первым известным высокообразованным ламой среди бурят и всю свою жизнь укреплял позиции буддизма, основывая первые дацаны в Бурятии, энергично боролся с шаманством. Происходил он из цонголов, которые под предводительством Окина, внука именитого халхаского Цокту-хунтайджи, в 1689 г. приняли подданство русскому царю. В отличие от других монголов, которые тогда принимали русское подданство из-за угрозы со стороны джунгарского Галдана Бошокту-хана, цонголы бежали прямо из владений цинского императора, а именно из чахарского желтого без каймы знамени, с изначальным намерением принять подданство русскому царю [Нацагдорж, 2006: 323—339]. Цинские власти почти тридцать лет, до заключения Буринского трактата и Кяхтинского договора, по которому все прежние спорные дела были закрыты, добивались от русских выдачи Окина [РКО, 2006: 148]. В то же время за верность русскому престолу Окину было пожаловано русским царем звание главного тайши забайкальских бурят, и под его власть, помимо остальных селенгинцев, попали даже хори-буряты [РКО, 1990: 592]. Старший сын и наследник Окина Лубсан активно принимал участие в установлении границы между двумя империями и ранее участвовал в переговорах в качестве переводчика [РКО, 2006: 470]. Отчасти именно благодаря этим людям русские смогли закрепить за собою земли по долине рек Селенга и Хилоч.

iresügei kemebesü bida tanu tölüge yeke ejen-dü sonusqan ayiladqaju erke ügei kesig kürtegejü tan-i ayuyulamui. ta kerbe man-i bariju oros-dur öggümüi kemen sejiqlebesü, oros-ud urid man-u šereng luujingjab-yin jerge öčinen orıudal-i singegegsen bolai. man-u yeke ulus-ača qarin ču teden-dü qoyisi ögkü yosu bui uu. ... dayar-a iresügei kemebesü siyud iresügei. duralaqu ügei bolbasu mön tan-i albadaqu yabudal ügei. kerbe čerig yaryaju tan-i uyuyulsuyai kemebesü, man-u yeke ulus kerkibečü kümün-i geneddegülün tere metü öčüken kereg-i ülü yabumui kemekü jerge üge-ber uqayulun kelejü qoyisi ilegetügei [ФИД ИИ АНМ. Д-1, хн-118].

бо-ламу Шагдур на встречу с селенгинским бригадиром. Шагдур был наглядным примером цветущего состояния буддизма в Цинской империи для его соученика и друга Дамба-Даржи. И тот не преминул упомянуть ему об уходе от «этой темной страны, где нет учения Будды».

Надо помнить, что переговоры велись на фоне вполне лояльного, даже верноподданнического поведения цонгольского тайши и главного ламы в повседневной жизни. Они вели себя так же, как их деды и отцы. В 1764 г. по призыву Якоби из цонголов был сформирован один казачий полк наряду с тремя остальными полками из селенгинских бурят [Васильев, 2007: 189]. А главный лама ширетуй нойон цоржи Дамба-Даржа в июне того же 1764 г. по собственному прошению был титулован Пандито Хамбо-ламой¹⁷. Видимо, та угроза, о которой говорил Заяев, действительно внушала серьезные опасения, если они, внешне выказывая верность русскому престолу, в то же время тайно вели переговоры с цинскими властями. Но этой затее не суждено было воплотиться. В то время как Содба находился в доме у хамбо-ламы Шагдур, полным ходом шло расследование дела вана Санджайдоржи, который, несмотря на остановку торговли в Кяхте, тайно торговал с русскими. Все окружение Санджайдоржи обвинялось в этом противозаконном деле, в том числе и хамбо-лама Шагдур, который от лица вана вел переговоры с Заяевым. Содба не мог не видеть и не слышать этого, находясь в Урге. Осенью 1765 г. хамбо-лама Шагдур был сослан в монастырь Ширету-Дзу в местности Гурбан субурган в харачинском хошуне Чжосотугского сейма в качестве простого ламы [НЦАМ, М-1, Д-1, хн-231, л. 621—625]. Безусловно, все это повлияло на решение Заяева. Вскоре судьба сложилась так, что сам Заяев в качестве депутата от бурятских буддистов отправился в столицу Российской империи и был удостоен аудиенции у самой императрицы, как когда-то его друг Шагдур ездил на поклонение цинскому императору в Пекин. Обласканный Заяев, вернувшись на родину, развернул широкую пропагандистскую деятельность, утверждая, что учение Будды разрешено для свободного исповедания самой великой императрицей и отныне буряты должны исповедовать только буддизм, при этом сохраняя верность земному воплощению Белой Тары — великой императрице [Позднеев, 1886: 169—188].

2. Позиция рядовых бурят-буддистов

Выше мы рассмотрели вопрос о том, как трепетно относилось к своей вере высшее буддийское духовенство, готовое в случае угрозы в

¹⁷ Интересно отметить, что именно такой титул (маньчж. *pandita kambu lama* — Пандита Хамбо-лама) носил давний друг Заяева и влиятельный ургинский лама Шагдур [НЦАМ, М-1, Д-1, хн-189, л. 4].

отношении нее со стороны русского государства покинуть эту страну, чтобы сохранить веру. Но это была позиция верхушки бурятского общества. Каково же было отношение к буддийской вере рядовых бурят? Мы попытаемся ответить на этот вопрос ниже. В том же фонде ургинских амбаней хранятся многочисленные документы, содержащие сведения о российских перебежчиках.

2.1. Дело Жамцо. 1777 г.

В именном докладе на имя императора от 7-го числа 3-го месяца 42-го года правления императора Цяньлуна [1777] из Урги ван Санджайдоржи¹⁸ пишет, что к нему в резиденцию пришел шанзодба Джебдзун-Дамба-хутухты Дамчой-Рабчжай и объявил об одном бурятском беглеце, которого представил ему начальник над шабинарами, селившимся в районе реки Хара. В ходе допроса бурятский беглец сообщил:

Мое имя Жамцо. Родом из российских хори-бурят. В этом году достиг 29 лет. Родители мои умерли давно. Не имея средств к пропитанию, жил у других в качестве слуги. В позапрошлом году, когда иркутский губернатор набрал из бурятской молодежи парней в солдаты, [наш] бурятский человек по имени Унагачи послал меня вместо своего сына. Мы, парни количеством сто двадцать человек, были доставлены к этому берегу озера Байкал под конвоем. Когда мы находились там, прибыл русский архиерей и, отрезав у нас, назначенных в солдаты, косы, окунул в озеро Байкал. Нам нацепили на шею железо под названием крест, и мы стали ждать отправки в Иркутск. Я с давних пор получил посвящение божеств Абида и Аюши и честно верил в учение Будды и не захотел следовать правилам неправильного учения русских и стать солдатом. Поэтому, сбежав оттуда, пришел к моему учителю — бурятскому ламе Ширабу по званию Тунгалаг ширету, который посвятил меня в учение, — и рассказал ему о своих злоключениях. Мой учитель, посоветовавшись со своим дядей, бурятским чиновником тайшей Эринцеем, сказал мне: «Ты не можешь остаться в земле российских бурят. Не твори зла и лжи по дороге. Только если обратишься в сторону великого государства, земли божеств, сможешь уберечь свою жизнь». С тех пор шел я, попрошайничая, в восточную сторону от Селенгинска по реке Онон в земли бурят и хамниган и в прошлом году, когда встал лед на реках, переправившись через реки Онон, Чикой и Селенга, направился в эту сторону. В начале второго месяца этого года западнее по

¹⁸ Через пять лет, в 1770 г., Санджайдоржи был помилован и восстановлен во всех прежних титулах. Он был вновь назначен в Ургу в качестве пограничного правителя.

Киранскому караулу ночью босиком я тайно перешел надолбы, поставленные русскими, и, проникнув вглубь монгольских караулов, шел, называясь «ойратским нищим». Достигнув местности у реки Хара, встретившись с Банди даругой, управляющим начальником над шабинарами хутухты, рассказал ему все свое подлинное положение. Он же отправил меня сюда. Я пришел в эту землю божества только для того, чтобы не следовать неправильным взглядам русских и не стать солдатом. Никаких других преступлений я не совершал¹⁹.

В черновом варианте этого доклада имеются и такие сведения: «Родился в год змеи; отца звали Гомбо, он умер, когда ему было 15 лет; а мать умерла 5 лет назад; 2 года назад летом он отправился в солдаты вместо сына Унагачи; перед отправкой его учитель Тунгалаг ширету лама Шираб дал ему наставление, чтобы он не оставлял учение Будды, даже если вынужден будет креститься; сбежал он в 8-м месяце позапрошлого года [1775 г.]; когда пришел к своему учителю, тот, посоветовавшись с тайшей, также его учителем, велел ему идти в страну Гэ-

¹⁹ *Маньчжэ.*: mini gebu jamcu oros i hori buriyat i niyalma, ere / aniya orin uyun se, mini ama eme aifini akū oho, / mini emteli beye eiten akū ofi, niyalma de hūsun ome takūršabume / ergen hetumbume yabumbihe, cara aniya juwari erkeo hoton i gubernator i / baci buriyat i se asigan juse be tomilafi, erkeo hoton de gamafi / saldat uksin obure de, buriyat i emu unagaci sere niyalma / mimbe ini jui i oronde tucibufi unggihe, meni emu tanggū orin / asihada niyalma be tuwašatame yafahan i baigal dalai i ebergi delin de / isinaha, tubade isinafi, oros i arkira sere kara lama jifi, / saldat obure ursei soncoho be fusifi baigal dalai de ebišefi, / keres sere sele monggolibufi erkeo de gamafi saldat obumbi seme / taka aliyame tehe, bi daci abida ayusi fucihi powa nomun donjiha, / fucihi unenggi nomun de hing sere mujilen jafaha ofi, / oros i miosihūn doroi nomun de dahara, saldat obure de / gelefi, uthai tubaci ukame tucifi, minde powa nomun / ulaha sefu tunggalak siretu sirab sere buriyat lama be / baime jifi, ukaka turgun be alaha manggi, mini sefu / lama, ini eshen buriyat hafan taiša erincen i baru / hebešefi, mimbe si oros buriyat i bade taksime muterakū / oho, jugūn de hūlha holo ehe gūnin dariburakū hing / seme jalbarime / amba gurun i fucihi i babe baime geneci teni ergen bahambi seme / tacibuha, bi uthai cuku baising ni dergi amargi ude / birai wesihun ici onon bira de isitala buriyat / kamnigan nuktai dolo giohošome yabume, tuleke aniya / juge gecehe manggi, cuku selengge onon i jergi bira be / dulefi ebsi baime yabuhai, ere aniya juwe biyai icereme / kiran karun i wargi deri bethe niohušelefi, farhūn / dobori oros i jafaha hashan be dabafi, jenduken i / karun i kaici be dosifi, monggo karun i dorgideri / jailame yabume, karun ci ebsi ucaraha niyalma de / bi damu ūlet giohoto seme giohošome yabuha, kara / sere birai bade isinafi kūtuktu i šabi bandi daruga / sere niyalma de ucarafi, fonjiha de mini yargiyan turgun be tucibume alaha manggi, mimbe ebsi benjibuhe, bi damu oros i / miosihūn doroi de dahafi saldat obure de gelefi ukame / tucifi ergen guweki seme fucihi i ba be baime jihe, umai / tubade encu weile jemten yabuha ba akū seme jabumbi [ИЦАМ, М-1, Д-1, хн-324, л. 10—13].

гэна [т. е. Джебдзун-Дамба-хутухты] и по прибытии говорить всем, что он „в малолетстве был увезен разбойными хамниганами. Только слышал, что я из Цэцэн-ханского аймака“; если же схватят его, ни под какими пытками не выдавать его» [НЦАМ, М-1, Д-1, хн-2940, л. 3]. Санджайдоржи предложил императору не выдавать беглеца, как того требовал трактат, потому что он уже довольно долго бродил по халхским кочевьям и мог рассказать об этом русским в случае выдачи:

Ныне пришедший для принятия подданства Жамцо является простым непотребным бурятом. Следовало бы его выдать, как раньше хамнигана Унуча выдали русским. Только Жамцо человек льстивый. Язык бурят в большинстве походит на язык халха. И он уже месяц с лишним бродил по кочевьям монголов после своего тайного прихода. Если выдать его обратно, невозможно будет предотвратить его пустословие [о нас]. Нынче новый губернатор в Иркутске, человек глупый, не удосужился отправить ответ на Ваш указ, отправленный рабами, насчет дела Манжи из Тохторского караула. Если же еще выдать ему их беглеца, то этот глупый губернатор будет удовлетворен своим незнанием правил²⁰.

Сам Жамцо, по всей видимости, хотел остаться подданным в шабинском ведомстве Джебдзун-Дамба-хутухты, но Санджайдоржи, остерегаясь его побега, просил отправить его в одну из внутренних провинций:

Если поселить Жамцо среди шабинаров, невозможно будет предотвратить его побег. Поэтому прошу указать, следует ли отправить Жамцо в Лифаньюань и поселить во внутренних областях, либо выдать обратно по примеру Унуча²¹.

В своем указе от 25-го числа 3-го месяца император приказал Санджайдоржи отправить Жамцо в Пекин в сопровождении надежно-

²⁰ *Маньчж.*: ne baime jihe buriyat jamcu / inu emu oyomburakū buriyat, onggolo kamnigan unuca be / icihiyahaha songkoi oros de amasi buci acambi, damu / jamcu be tuwaci, niyalma koimali buriyat sei gisun / amba muru kalkasai gisun de adališambi. geli jenduken i / karun be dosikaci biya funceme monggosoi nukta de / hergime yabuha, amasi oros de buci balai gisun / banjibume gisurere be boljoci ojurakū bime, ne erkeo de / bisire ice jihe gubernator niyalma hūlhi, te bici / toktor karun i manji i baitai jalin ahasi / hese be dahame gubernator de bithe yabubuha, tatala umai karu / bithe benjihēkū te geli baime jihe niyalma be cende amasi / benebure oci, hūlhi gubernator hūwaliyasun i dorо be sarkū (pilehe -inu) de geli takdara de isinambi [НЦАМ, М-1, Д-1, хн-324, л. 13].

²¹ *Маньчж.*: jamcu be uthai / šabinar de kamcibufi te buci, geli amasi ukara be akū / obume muterakū, uttu ofi turgun be tucibume / gingguleme / wesimbuhe. jamcu be eici jurgan de beneburi dorgi bade falabure / eici unuca i songkoi oros de amasi bure babe / gingguleme / hese be baimbi [НЦАМ, М-1, Д-1, хн-324, л. 13].

го человека [НЦАМ, М-1, Д-1, хн-324, л. 15]. А караульные, которые не смогли поймать Жамцо при переходе границы, были строго наказаны в соответствии с законом²². Дальнейшая судьба Жамцо прояснилась через год в связи с другим делом о беглецах, которые также были из российских бурят.

2.2. Дело Пунцука. 1778 г.

В 28-й день 10-го месяца 43-го года правления императора Цяньлуна [1778] ургинский амбань Санджайдоржи получил от Эринчиндоржи и Гончигцэрэна, правителей караулов от двух восточных аймаков, письмо, где было подробно изложено дело о двух российских бурятских беглецах, пойманных солдатом Кударинского караула.

Бурят Пунцук и жена его Цэцэг говорили на допросе Эринчиндоржи и Гончигцэрэну: «Я, Пунцук, кочевал в местности Хилок. Из-за того, что в России увеличились подати, у нас не стало скота. Поэтому мы ушли из местности по Хилку сюда, в эту сторону, для того, чтобы принять подданство милосердному великому хану и поклониться гэгэну. Провели пять дней в пути и когда достигли этих мест, ниже по Кударинскому караулу пошел снег. Хотя наши следы были засыпаны снегом, мы, боясь быть пойманными вашими караульными, провели десять дней на северной горе Кудары, потому что слышали, что ваши караульные зорко следят за границей. Там закололи одну свою лошадь и съели. Как только собрались ехать дальше, наткнулись на вашего караульного солдата Дондуба, который поймал нас». При досмотре оказалось, что Пунцук и его жена приехали верхом на двух лошадях без оружия, котлов, ковша и сменной одежды²³.

²² Солдат, который ходил в тот день на выслежку, был уволен со службы, получив 80 ударов плетью. Начальника Киранского караула оштрафовали двумя девятками, а начальника пятерки караулов, куда входит Киранский караул, оштрафовали одной девяткой [НЦАМ, М-1, Д-1, хн-324, л. 14].

²³ *Маньчж.*: erincindorji / gongcukcerin se, buriyat pungcuk, hehe cecek de turgun be / sibkime fonjici, jaburengge, pungcuk bi kilhün sere bade nuktambihe, / meni oros i beye ulhai alban ujen bime, ulha jaka wajiha / amba gosingga amba han de dahafi, gegen lama de hengkileki seme / kilhün sere baci dohuri ukafi, tubade sunja dedun alin de / solifi, kiduri karun i fejergideri dohuri dulin i onggolo dosime / yaburede, nimanggi nimaraha, meni songko tere nimanggi de gidabuha bicibe, / suweni karun i cooha umesi cira sehebe donjiha turgunde karun i / urse jafara de geleme kiduri i ebergi alin de somime yaluha / morin i dorgici emke wafi jeme juwan inenggi tedufi, jing yabuki / sere de karun i dondub sere niyalma juwe nofi isinjifi, / meni eigen sargan juwe niyalma be jafaha sembi, tuwaci / buriyat pungcuk umai agūra hajun akū, mucen maša / muru akū, fulu etuku endu gemu akū, juwe morin yalufi / ukame jihebi [НЦАМ, М-1, Д-1, хн-330, л. 391—393].

Начальникам караулов было приказано отправить их в Ургу и, в случае требования выдачи, сообщить русским, что они отправлены в Ургу, и пообещать выдать их после отправки назад [НЦАМ, М-1, Д-1, хн-330, л. 393]. 28-го числа 10-го месяца Пунцук и Цэцэг были допрошены вновь уже в Урге чиновником Лэбу, писарями Юншаном и Бадакшаном²⁴. После допроса Санджайдоржи просил императора отправить их в Пекин, так как в это время отношения с русскими снова были испорчены, а кяхтинская торговля остановлена [Курц, 1929: 319]. Материалы этого допроса показывают, что Пунцук был из бурятского ашибагатского (маньчж. *asibagat*) отока, ему было 38 лет, жене Цэцэг 19 лет; а также что русские брали с каждой бурятской семьи в качестве подати две с половиной серебряные монеты в год. Ургинские правители интересовались положением русских и бурят после остановки торговли. Пунцук говорил, что положение бурят ухудшилось и многие из-них не имеют средств к пропитанию [НЦАМ, М-1, Д-1, хн-333, л. 292—298]. Через полгода, в 3-м месяце, из Урги Санджайдоржи просил у императора разрешения отправить Пунцука и его жену в Пекин, так как русские вообще не потребовали назад своих беглецов, и получил его согласие. Столичные чиновники Цинской империи, видимо, в отличие от властей пограничных регионов, имели плохое представление о нерусских подданных России, о чем говорят документы:

Ты являешься подданным России. Почему не надеваешь русскую одежду, бреешь макушку и не понимаешь их язык? На что ответил [Пунцук] следующее: «Наши буряты кочуют на окраине России. Я один раз сопровождал преступников до озера Байкал. Озеро Байкал находится от нашего Хилка на расстоянии 6 дней пути. Кроме Байкала не ездил никуда. Так как русские не рассказывают о своих делах нашим бурятам, я действительно ничего не знаю о делах русских. **Все наши буряты являются монголами**, и одеваемся мы в свои одежды. Никогда не надевали русских одежд и не оставляли волос на макушке. Из наших бурят есть такие, которые знают русский язык, есть и такие, которые не знают. Я пришел принять подданство великому владыке. Для чего же мне лгать?»²⁵

²⁴ Бывший подданный Джунгарского владельца Давачи. После падения Джунгарского ханства принял подданство русскому царю, крестился и проживал в Томске. В 1764 г. перебежал в Цинскую империю через Кяхту. Его как знатока русского языка и культуры произвели в чиновники Лифаньюаня [НЦАМ, М-1, Д-1, хн-2903].

²⁵ *Маньчж.*: jai si oros i harangga bime ainu oros i etuku mahala eturekū, ujui funiyehe sulaburakū, oros i gisun be asuru ulhirakū seme fonjici, jaburengge meni buriyat os i jecen de hanci tembi, bi weilengge niyalma be benebume baigal noor de emu mudan yabuha. baigal noor meni kilaho de ninggun inenggi i on bi. ere baigal noor ci tulgiyen umai encu bade yabuhakū, jai oros se ceni baita be fuhali meni

Несмотря на заявление Пунцука, пекинские чиновники отнесли к нему и его супруге так же, как к прочим русским подданным, бежавшим до этого в Цинскую империю. Перебежчиков из России поселяли в гарнизонах восьмизнаменного корпуса. Но из-за случаев побегов велено было не поселять их в гарнизонах прибрежных провинций; кроме того, им не давали жалованье, как знаменным солдатам ²⁶.

По результатам проверки оказалось, что русские Дмитрий и Яков, отправленные на поселение в Гуанчжоу в прошлом году в 5-м месяце, сбежали. В записях указано, что мы, министры, обсудив это дело, доложили императору. Судя по этому случаю, более не следует высылать таких русских в Гуанчжоу, Фучжоу, Ханьчжоу — прибрежные провинции, где имеются морские суда, — и не выдавать им жалованье. Ныне посланные сюда от Бэчингэ бурятский Пунцук и его жена являются подданными России. Ранее бурятского Жамцо определили как русского. Нынешний Пунцук человек глупый, не знает о каких-либо делах. Ни к чему не пригоден. Если благоволите, то Пунцука и жену, по примеру русских, следует сослать в сычуаньский Чэнду, отдать в ведение тамошнего генерала для услужения большим чиновникам ²⁷.

И по указу императора от 19-го дня 5-го месяца 44-го года Цяньлуна [1779] Пунцука и его жену отправили в Чэнду. Отсюда мы узнаем, что предыдущего беглеца, Жамцо, и Пунцука определили в восьмизнаменный корпус и они стали домашними работниками. Таким же образом, когда джунгарские перебежчики приходили с семьями, их поселяли в Нингуту, а если они бежали поодиночке, то их распределя-

buriyat urse de ulhiburakū ofi, oros i baita be sarkūngge tumen yargiyan. jai meni buriyat gemu monggo ofi, kemuni meni etuku etumbi. umai oros i etuku mahala eturekū, ujui funiyehe sulaburakū, meni buriyat i urse oros i gisun be bahanarangege bi, bahanarakūngge inu bi. amba ejen be baime jihe bime ai seme holtombi seme jabumbi [ИЦАМ, М-1, Д-1, хн-3036, л. 12].

²⁶ В 37-м году Цяньлуна (1772) русский Андрей, солдат красного знамени с каймою, расквартированного в Гуанчжоу, сбежал [ИЦАМ, М-1, Д-1, хн-2969, л. 39]. В 58-м году Цяньлуна (1793) из восьмизнаменного корпуса в Чэнду сбежал русский Иван [ИЦАМ, М-1, Д-1, хн-3234, л. 45].

²⁷ *Маньчж.*: baicaci, tuleke aniya sunja biyade guwangjeo de falabuha oros demeiterei, yakab ukaka turgunde, amban be gisurefi ereci julesi ere jergi oros sebe gemu guwangjeo, fujeo, hangjeo i jergi mederi jahūdai bisire golode falaburakū. inu caliyān ulaburakū seme wesimbuhe be dangsede ejehebi. te becingege sei baci benjihe buriyat i pungcuk i eigen sargan juwe niyalma gemu oros i harangga bime. onggolo buriyat i jamcu be geli oros i songkoi icihiyahabi. te pungcuk be tuwaci, niyalma hūlhi eiten baita be yooni sarkū, umai oyombure niyalma waka. bahaci pungcuk i eigen sargan juwe niyalma be oros be icihiyara kooli songkoi mederi jahūdai akū secuwan cengdu de falabufi harangga jiyanggiyūn de afabufi, ambahasi hafan de bufi bargiyatame takūršabuki [ИЦАМ, М-1, Д-1, хн-3036, л. 12].

ли по гарнизонам восьмизнаменного корпуса [Оюунжаргал, 2009: 27]. Можно предположить, что причина, по которой беглых бурят отселяли так далеко во внутренние провинции Китая, состоит в нежелании китайских властей быть обвиненными со стороны России в укрывательстве перебежчиков. К тому же, пекинские чиновники, в отличие от пограничных, слабо «разбирались» в этнографии и поэтому определяли таких бурят как русских.

В показаниях обоих перебежчиков (Жамцо и Пунцука) особо подчеркивается, что Монголия в составе Цинской империи является землей, где пребывает Гэгэн (т. е. Джебдзун-Дамба-хутухта), и учение Будды тут широко распространено. Жена Пунцука Цэцэг говорила на допросе, что муж уговорил ее бежать в курень Гэгэна и жить там в блаженстве. Жамцо и Пунцук были самыми обычными представителями низшего слоя бурятского общества. Их мнение, как думается, может отражать представления простых бурят.

3. Буддизм у бурят как фактор монгольскости

Несмотря на то что после установления границы в 1727 г. многие халхаские роды, представители которых еще в конце XVI в. приняли буддизм, остались на российской стороне, российских подданных-буддистов было явно меньше, чем шаманистов. Чем же можно объяснить тот факт, что буддизм, изначально мало распространенный среди бурят, стал распространяться в Бурятии именно после 1727 г. вопреки официальной российской политике христианизации сибирских народов? Можно выделить несколько причин этого явления. На наш взгляд, буддизм, как в теоретическом, так и в организационном аспектах несравненно более развитый, нежели шаманизм, помог бурятам противостоять русской культурной ассимиляции. Это видно из того, что буряты говорили про своих крещеных соплеменников, будто те просто «стали русскими». В письме бригадира Якоби вице-генералу Цэнгунжаву в 1745 г. говорится об одном монгольском перебежчике:

Минувшего марта 27-го числа сего года пойман в российской стороне заграничной мунгалец Биликту Батуров. А при нем была одна лошадь да конец китайки вишневой, а в роспросе он Биликту показал, ведомства де он Биликту, тайши Гунгу тайжия, а в российскую сторону переехал он нынешнего году в марте месяце в последних числах воровски между пограничным Кударинского и Киранской караулы от крайней своей нищеты для свидания с сестрою своею родной бывшего служилаго Григорья Шунаева с женою ево Овдотею (которая в прошлых годах до разграничения **восприняла святое крещение**) [ИЦАМ, М-1, Д-1, хн-2721, л. 4].

А в монгольском тексте письма бурятский переводчик пишет:

ene jil-dü urida mar-ta sara-yin qorin doluyan-dur oros-un жүг-тү бариyдaйсан / mongyol-un байатур-un көбөгүн билigtү, tegүни bey-e-dү байуysan уаyума ниге mori, ниге бүс улабар qar-a öngge /-tei. үге-ber асаууqu-du гүнгге тaйiji-yin албату oros-un жүг-тү ene jil-dү mar-ta sarayin / qayucin-du иргeсen биле гебе. kidүрү-yin qarul kiran-u qarul qoyar qarayul-un qoyoran-duyur / niyučar yarču иргeсen би гебе. idekү уууqu уаyума үгеi-yin тула ende egeči-den иреbe / би гебе. oros-un gergүri šunai-yin tegүни gergen oydouči neretү, egүн-eče urida jaq-a / yajar tabiy-a edüi-dү **oros boluysan bölүge tere emegen** [НЦАМ, М-1, Д-1, хн-2721, л. 6].

Иными словами, по мнению бурят, крестившийся немедленно становился русским (монг. *oros boluysan*)²⁸. И наоборот, если человек — буддист, то он определялся ими как монгол. Ознакомимся с рассказом монгольских лам и чиновников, которые ездили торговать в Кяхту или командировались к губернатору в Иркутск:

Лама из шабинского ведомства Джебдзун-Дамба-хутухты Цэдэн-даши ездил несколько раз торговать с русскими, и встречавшиеся ему **буряты тогда говорили** ему со слезами на глазах, **что они тоже монголы**, но с давних пор не могут поклониться Джебдзун-Дамба-хутухте²⁹.

Получается, что буряты считали себя монголами, поскольку тоже хотели поклониться Джебдзун-Дамба-хутухте, главе буддийской церкви в Монголии. Цинская сторона смотрела на это сходным образом. В 1785—1792 гг. кяхтинская торговля была приостановлена в связи с одним делом, позже получившим название «Улалзаева» [Нацагдорж, 2012: 73—101]. Причину отказа русских подвергнуть главных зачин-

²⁸ В другом документе — об ограблении российскими хамниганами в 1757 г. Цинского караула Мунку-Шили — монгольский начальник перечисляет хамниганов, которых он узнал среди грабителей: «...tere degerm-e-yin / dotura-ača tomuntai-yin kүү qosbodı, qonjin, tabunang, qatungya-yin kүү kekemen, modubal, / kübeleı, **mangyus boluysan kümültü**, qayilasutai-yin qarayul-un küjikei sormoi-yin kүү eden-i tanıba» («из тех грабителей узнал трех сыновей Томунтая: Господина, Хонжина, Табунана, сыновей Хатунги: Кекемена, Модубала, Кубэлэя, и **ставшего мангусом Кумулту** и Кужикей сына Сормоя из Кайластуйского караула»). Буряты и хамнигане русских еще называли *мангас*, *мангад* [НЦАМ, М-1, Д-1, хн-183, л. 53].

²⁹ *Маньчж.*: ne jebzundamba / kütuktu i šabinar i harangga emu cedendasi / sere lama, ongolo hūdašame utu mudan / uciraha buriyat se gemu ce / inu monggo niyalma, goidame bahafi jebzundamba / kütuktu de hengkileme muterakū jalin jonoho / deri uthai sejileme nasame yasai muke / tuhebumbihe sembi [НЦАМ, М-1, Д-2, хн-15, л. 1].

щиков смертной казни цинские чиновники усмотрели в том, что русские опасаются перебежки бурят в случае строгого наказания и грубого отношения к ним. В докладе ургинских амбаней Сун Юня и вана Юндэндоржи³⁰ императору в 1785 г. можно прочитать следующее:

По [нашему] ничтожному мнению, причина задержки ответа российского Сената и их [= русских] нерешительность в вопросе сурового наказания Улалзая и его компании состоит в том, что **Улалзай и его компания не являются людьми русской кости, а являются харятами**³¹ монгольской кости, проживающими на окраинах. По результатам расследования оказалось, что Улалзай у себя еще являлся главой пятидесяти семейств. **Харяты также в большом числе придерживаются учения Будды, как и буряты. Глупые русские, должно быть, думают, что, если они накажут строго Улалзая и его компанию, харятские люди, которые живут на границе, могут податься к нам по примеру торгутов.** Возможно, этим объясняются их страхи и сомнения. (Пометка императора красной тушью: «вот именно».)³²

В другом месте в 1790 г. Юндэндоржи в таком же духе пишет императору о бурятах:

Потому как августейший государь усиленно развивает в монгольских и тибетских землях желтую религию, **буряты, будучи также людьми монгольской кости**, хотят обратиться [к нам]. Только в бурятских землях русские живут во многих местах массово и остерегаются их. Поэтому они не могут податься к нам, хотя имеют на то сильное намерение³³.

³⁰ Сын и наследник Санджайдоржи. Родился от маньчжурской принцессы и сам был женат на дочери императора, как и его отец.

³¹ Монг. qariyad и маньчж. hariyat. Так называли предбайкальских бурят.

³² Маньчж.: ahasi kincime gūnici, / oros sanat yamun i bithe sidabuhangge, ainci hūlha / ulaljai sebe ce gelhun akū ujeleme icihiyarakū de / manggašaha ci banjinagangge, turgun oci, ulaljai se umai / ceni oros giranggi niyalma waka, gemu jecereme tehe monggo / giranggi hariyat i jergi urse, teci baicafi, ere ulaljai / hono hariyat i susai boigon be kadalara emu tede / niyalma bihe. hariyat se inu ceni buriyat i adali / suwayan šajin be wesihulerengge labtu, oros i hūlhi gūnin de, / aika ulaljai sebe ujeleme icihiyaci, embici jecereme tehe / ulaljai sei adali hariyat i jergi urse, gemu torgūt / sebe alhūdeme, muse de dahanjire ayuu seme gūnifi / (fulgiyan fi — uttu tere) tutu geleme manggašara be boljoci ojarahū [НЦАМ, М-1, Д-1, хн-423, л. 120—122].

³³ Маньчж.: yaya / monggo tanggūt bade / enduringge ejen jakanjime suwayan šajin be / badarambuhai, akdaha elgengge hing seme / hukšendure jakande, buriyat inu monggo / giranggi ofi, ini cisui hing seme / forombi. damu buriyat i nukta nukta de / oros niyalma hiyahanjame tehei seremšeme / ofi buriyat sa dahanjire gūnin hing / bicibe, bahafi dahanjirakū [НЦАМ, М-1, Д-2, хн-15, л. 1].

Из проанализированных нами документов становится понятно, что бурятами — как и монголами, входившими в Цинскую империю, — буддизм воспринимался прежде всего как элемент их монгольской идентичности. Именно это могло стать одной из причин столь быстрого и внушительного распространения буддизма среди бурят. Они не хотели «становиться русскими» и намеренно выбирали буддизм, который усиливал их «монгольскость». Видимо, именно с этой позиции мы можем объяснить поведение бурятской верхушки, описанное нами выше. Они оставались «верноподданными русского царя»³⁴ до тех пор, пока русское управление гарантировало им власть над своими подданными и не касалось их внутренней жизни.

Заключение

К началу XVIII в. русские сумели закрепиться в Байкальском регионе и в 1727 г. установить границу с Цинской империей во многом благодаря лояльности местных монгольских и тунгусских племен к царю. Лояльность эта была обусловлена многими факторами, в том числе религиозными. В особом пункте одного из договоров 1689 г. русская власть обязывалась не принуждать их к насильственному крещению [Сборник, 1960: 328]. В крещении же они видели русификацию. Поэтому, противодействуя ассимиляции, бурятская верхушка, видимо, сознательно выбрала буддизм и всячески содействовала его распространению. Так как в соседней Цинской империи монголы были буддистами, буддизм для бурят стал показателем их «монгольскости». И когда духовная и светская верхушка бурят узнавала о каких-либо угрозах со стороны русской власти в отношении буддийской веры, объединяющей их с остальными монголами, она готова была искать покровителя в лице цинского императора.

Список литературы

Источники

абаγ-а ... — абаγ-а yasutai yeke баяуд обоγtai ulus-un nigen күмүн, sibudai дарқан-дараγу gedeg nerete күмүн-ү үги sadu-a nar yasu oboγ үу-e-ben medelčekү bičig bui (Родословная потомков Шибудай дархан даруги из рода йэкэ-баяуд кости абага). Из личного архива автора.

Записка... — Записка о высших цонгольских ламах. Рукопись на старомонгольском. Из личного архива автора.

³⁴ В нарушение своих обязанностей тайша Дамбадугар Ринцеев почему-то не сдал властям дезертира из русской армии, а отпустил его в Монголию, предварительно снабдив рекомендациями.

НЦАМ, М-1 — Фонд ургинских амбаней.

НЦАМ, М-85 — Фонд администрации Их-шаби.

ФИД ИИ АНМ — Фонд исторических документов Института истории Академии наук Монголии.

Список... — Список цонгольских тайшей. Рукопись на старомонгольском. Из личного архива автора.

Исследования

Васильев, 2007: *Васильев А. П.* Забайкальские казаки. Исторический очерк. Том II. Репринтное издание. Благовещенск, 2007.

Курц, 1929: *Курц Г. Б.* Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Харьков, 1929.

Нацагдорж, 2006: *Нацагдорж Б.* К проблеме этногенеза цонголов // *Acta Mongolica*. Т. 6. Улаанбаатар, 2006. С. 323—339.

Нацагдорж, 2012: *Цонгоол Б. Нацагдорж.* О причине подписания «Международного протокола» между Цинской и Российской империями в 1792 г. в Кяхте // *Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: История и современность*. Вып. 2. Улан-Удэ, 2012. С. 73—101

Оюунжаргал, 2009: *Очирын Оюунжаргал.* Манж Чин улсаас монголчуудыг захирсан бодлого. Улаанбаатар, 2009.

Позднеев, 1886: *Позднеев А.* К истории развития буддизма в Забайкальском крае // *Зап. вост. отд-ния Императорского Русского археол. о-ва*. Вып. 1. Т. I. Санкт-Петербург, 1886.

Сборник, 1960: *Сборник документов по истории Бурятии. XVII век (1609—1700)*. Улан-Удэ, 1960.

Сычевский, 1875: *Историческая записка о Китайской Границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году*. М. : Университетская типография, 1875.

Румянцев, 1959: *Румянцев Г. Н.* Архив засак-ламы Галсан Гомбоева. Улан-Удэ, 1959.

РКО, 1990: *Русско-китайские отношения в XVIII веке : документы и материалы. 1725—1727*. Том II. М., 1990.

РКО, 2006: *Русско-китайские отношения в XVIII веке : документы и материалы. 1727—1729*. Том III. М., 2006.

Bawden, 1967: *Bawden Ch.* The Mongol rebellion of 1756—1757 // *Journal of Asian History*. 1967. 2 (1). P. 1—31.

Yanagisawa, 2005: *Yanagisawa Akira.* Some remarks on the «Addendum to the treaty of Kiakhta» // *The Memoirs of the Toyo Bunko*. 2005. 63. P. 65—87.

Список сокращений

ПМА — Полевые материалы автора

ЛАА — Личный архив автора

НЦАМ — Национальный центральный архив Монголии (Монгол улсын Үндэсний Төв Архив)

ФИД ИИ АНМ — Фонд исторических документов Института истории Академии наук Монголии (Шинжлэх Ухааны Академийн Түүхийн хүрээлэн, Түүхийн баримтын хөмрөг)

Tsongol Battsengel Natsagdorj
**The Buddhist 'Mongol' identity of the Russian Buryats
in the 18th century**

In the article the role of Buddhism for the Buryat identity is studied. Though the Buryats who remained on the Russian side after conclusion of the Treaty of Kiakhta in 1727 were mostly Shamanists, a few decades later Buddhism became widely spread among them. The reason behind it lies in the strong Buryat aspiration to maintain their Mongolian identity. Since the majority of the Mongols who lived in the Qing Empire confessed Buddhism, the Buryats followed their example only to be identified as real Mongols. Some of the Buryats kept loyalty to Russia until it started a restrictive policy towards Buddhism, the main instrument of Buryat immunity against the cultural assimilation.

Key words: Buddhism in Buryatia, identity, Mongols.